

А. Гарнак

Сущность христианства

**Шестнадцать лекций, читанных
студентам всех факультетов в
зимний семестр 1899-1900 г. в
Берлинском Университете**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

- A11 **А. Гарнак**
Сущность христианства: Шестнадцать лекций, читанных студентам всех факультетов в зимний семестр 1899-1900 г. в Берлинском Университете / А. Гарнак – М.: Книга по Требованию, 2016. – 232 с.

ISBN 978-5-458-62933-1

Гарнак, Адольф фон (Harnack, Adolf von) (1851–1930), немецкий протестантский теолог, историк, представитель т. н. либеральной теологии. "Сущность христианства" самая популярная работа крупнейшего немецкого историка религии А. Гарнака (1851-1930), представляющая собой исчерпывающий обзор основных идей Евангелия и их развития в апостольской церкви и в трех основных направлениях христианства католицизме, православии и протестантизме. В предисловии к первому изданию Гарнак пишет: Современное евангелистическое христианство распадается на множество исповеданий и направлений. Однако стоит им серьезно вдуматься в обретенное ими достояние, служащее источником их жизни, и они почувствуют, что в глубочайшей основе своей они - едино. Пусть же эти лекции послужат укреплению сознания духовного единства!"

ISBN 978-5-458-62933-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе къ 45—50 тыс. экземпляровъ

Я снова выпускаю въ свѣтъ эту книгу безъ какихъ-либо измѣненій: она должна остаться тѣмъ, чѣмъ была первоначально — вѣрнымъ воспроизведеніемъ лекцій въ томъ видѣ, какъ они дѣйствительно были прочитаны. Неясности, отъ которыхъ не можетъ по самому существу своему быть свободно всякое живое изложеніе, не настолько велики — въ этомъ убѣдили меня мои критики, — чтобы изъ-за нихъ необходимо было исправлять текстъ. По отношенію-же къ недоброжелательному и тенденціозному толкованію моихъ мыслей безсильно всякое исправленіе ихъ формы.

Борьба противъ этой книги за послѣдній годъ стала еще болѣе ожесточенной. Главныя возраженія сводятся къ тому, что я не далъ достаточно полнаго выраженія воззрѣнію на христіанство, какъ на религію искупленія отъ грѣха, что я принизилъ значеніе личности Христа и превратилъ христіанство въ нѣчто въ родѣ религіи закона. Эти возраженія побудили меня еще разъ пересмотрѣть свое изложеніе и провѣрить его не путемъ односторонняго сравненія съ ученіями Павла, Августина или Лютера, но исходя изъ проповѣди Іисуса Христа и общаго характера обязанныхъ ему своимъ происхожденіемъ явленій.

Я не могу отказаться отъ своего пониманія, ибо чтобы измѣнить послѣднее, я долженъ былъ-бы отречься отъ всѣхъ своихъ историческихъ познаній. Я считаю невозможнымъ включать въ изложеніе сущности религіи отдѣльныя, частныя формы, въ какія она выливалась въ историческомъ своемъ

развитіи. Можно по достоинству оцѣнивать Павла, Августина или Лютера и, тѣмъ не менѣе, остерегаться принимать ихъ христіанство за христіанство вообще; ибо такое смѣшеніе сузило бы основу религіи, заложенную самимъ Иисусомъ Христомъ. Если я не ошибаюсь, то католики, какъ римскаго, такъ и восточнаго исповѣданій (поскольку, конечно, ихъ христіанство еще живетъ подлинною жизнью), болѣе способны проникнуться такимъ воззрѣніемъ, нежели протестанты. Разъ достигнувъ внутренней свободы въ отношеніи ко всему церковному, они уже освобождаются отъ подчиненія всему частному и мѣстному. Протестантъ-же, которому такая свобода достается съ гораздо меньшимъ трудомъ, нуждается, тѣмъ не менѣе, въ довольно суровой школѣ, чтобы научиться понимать свое собственное христіанство какъ одинъ изъ элементовъ болѣе обширнаго единства и избѣгнуть смѣшенія частныхъ проявленій съ цѣлымъ. Тотъ, кто стремится выяснить „цѣлое“ и „сущность“ религіи, постоянно будетъ навлекать на себя упрекъ въ обезцвѣчиваніи, ибо въ его изложеніи не можетъ быть мѣста тѣмъ индивидуальнымъ элементамъ и внутреннимъ переживаніямъ, которыми религія и цѣнна для отдѣльныхъ личностей или группъ. Но, съ другой стороны, сможемъ-ли мы достигнуть религіознаго единства, которое вѣдь, все-же, остается конечною цѣлью всѣхъ нашихъ стремленій, если мы не научимся—особенно въ наше время, когда земля стала единымъ поприщемъ, распознавать сущность и зерно нашей религіи и понимать, что отличающіе насъ отъ другихъ вѣроисповѣдныя принципы—лишь одна изъ вѣтвей великаго дерева? Мы не перестанемъ учить, что въ грѣхѣ—источникъ несчастій человѣчества и что Иисусъ пришелъ, чтобы дать грѣшникамъ блаженство; но неужели намъ необходимо для этого признавать павлово или какое-нибудь другое, хотя бы и вполне совершенное, ученіе о грѣхѣ и благодати? Проповѣдь христіанской религіи попрежнему останется проповѣдью объ Иисусѣ Христѣ; но неужели мы не сможемъ при этомъ обойтись безъ ученія соборовъ и тринности Божества и безъ твердо установленной хринологіи? Радостная вѣсть о томъ, что Христосъ есть конецъ закона, будетъ звучать по-преж-

нему, но забудемъ-ли мы поэтому завѣтъ: „если любите меня, соблюдайте заповѣди мои“?

Изъ другого лагеря этимъ лекціямъ сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что, ставя своею задачей выясненіе сущности христіанства, онѣ уничтожаютъ или стираютъ его первоначальныя черты. Я скажу на это, что эти лекціи вовсе не задаются характеристикой проповѣди Иисуса въ ея историческомъ явленіи или характеристикой первоначальнаго христіанства; ихъ цѣль—выяснить именно существенные элементы данной области явленій. И ни одинъ мыслящій историкъ не согласится съ тѣмъ, будто такая задача противорѣчитъ характеру историческаго изслѣдованія или даже вообще ненаучна. Вѣдь историческое пониманіе и начинается лишь тамъ, гдѣ изслѣдователь пытается отдѣлать существенное и оригинальное въ томъ или другомъ великомъ явленіи отъ его временно-историческихъ облаченій. Конечно, нельзя забывать, что при этомъ неизбѣжно исчезаютъ многія первоначальныя черты явленія—и, между прочимъ, даже такія, которыя въ свое время считались существенными и дѣйствительно были такими; несомнѣнно и то, что достигнуть такого историческаго пониманія очень трудно. И, все-же, безусловно необходимо стремиться къ нему; ибо послѣднее слово не можетъ принадлежать ни антикваристу, ни философу, ни фантазеру, а только историку: установленіе существенныхъ особенностей того или другого историческаго явленія есть чисто историческая задача. Да и помимо того, за философомъ, который хочетъ здѣсь вѣщать, обыкновенно скрывается лишь догматикъ, желающій контрабандой провезти какія-либо заранѣе составленныя мнѣнія; антикваристы-же это—или замаскированные романтики или просто индифферентисты.

Мнѣ пора кончить, иначе это предисловіе разрастется въ статью. Но я не могу положить перо, не выразивъ здѣсь своей признательности всѣмъ, отъ кого я уже въ теченіе трехъ лѣтъ получаю выраженія сочувствія и единомыслія. Лекціи эти переведены на англійскій, французскій, итальянскій, японскій, голландскій, норвежско-датскій, шведскій—и, какъ я имѣю основаніе предполагать, русскій—языки и под-

VIII

верглись обсужденію во множествѣ издающихся на этихъ языкахъ журналовъ. Я получалъ сочувственныя письма изъ всѣхъ этихъ странъ, отъ христіанъ, принадлежащихъ къ различнымъ исповѣданіямъ и стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія. У меня не было возможности отвѣчать всѣмъ имъ: это отняло бы все мое время. Пусть-же прочтутъ хотя здѣсь мой общій сердечный привѣтъ всѣ они— женщины и мужчины, проповѣдники и священники, государственные дѣятели, ученые и коммерсанты, главнымъ же образомъ—учащаяся молодежь всѣхъ факультетовъ, для которой и была собственно предназначена и которой принадлежитъ эта книга.

А. Гарнакъ

Апрѣль 1903 г.

Лекція I

Великій філософъ позитивизма, Джонъ Стюартъ Милль, сказаль однажды, что невозможно слишкомъ часто напоминать челоувѣчеству о томъ, что когда-то существовалъ челоувѣкъ по имени Сократъ. Это—вѣрная мысль, но еще важнѣе постоянно все снова напоминать челоувѣчеству, что среди него жилъ когда-то челоувѣкъ, котораго звали Иисусомъ Христомъ. Правда, насъ съ ранняго возраста знакомятъ съ этимъ событіемъ, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы школьное преподаваніе нашей эпохи способно было сохранить въ насъ образъ Іисуса Христа и въ послѣдшкельномъ возрастѣ и запечатлѣть его въ нашей душѣ на всю жизнь, какъ неотъемлемое ея достояніе. И хотя ни одинъ челоувѣкъ, разъ воспріявшій въ себѣ лучъ отъ его свѣта, не можетъ уже стать такимъ, какимъ онъ былъ бы, если бы никогда не слышалъ о немъ,—хотя въ глубинѣ всякой, однажды затронутой имъ, души и остается извѣстное впечатлѣніе, но изъ такого смутнаго воспоминанія, нерѣдко являющагося лишь „superstitio“, невозможно черпать силу и жизнь. Если же въ насъ проснется интересъ къ болѣе обстоятельному и болѣе достовѣрному знанію объ Іисусѣ, и мы начнемъ искать сколько-нибудь точнаго знанія о томъ, кто былъ Іисусъ Христосъ и каково было дѣйствительное содержаніе его проповѣди, то, обратившись къ современной литѣратурѣ, мы тотчасъ очутимся въ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній. Мы услышимъ отъ однихъ утверженіе, будто первоначальное христіанство было очень близко къ буддизму, и сообразно съ этимъ намъ будутъ говорить, что возвышенность и глубина этой религіи открываются въ аскетизмѣ и пессимизмѣ. Другіе, также убѣжденные въ томъ, что высказываютъ очень

глубокое воззрѣніе, стануть, напротивъ, увѣрять насъ въ томъ, что христіанство есть религія оптимистическая и должно быть понимаемо лишь, какъ высшая степень развитія іудаизма. Мы услышимъ еще противоположныя утвержденія, будто Евангеліе покончило съ іудейскою религіею, будто своимъ происхожденіемъ оно обязано тайно дѣйствовавшимъ греческимъ вліяніямъ и есть плодъ, созрѣвшій на дрѣвѣ эллинизма. Представители философіи религіи объявятъ намъ, что истинною сущностью Евангелія и раскрытіемъ его сокровеннаго смысла должно считать развившуюся изъ него метафизику; другіе отвѣтятъ на это, что Евангеліе не имѣетъ ничего общаго съ философіей, но предназначено для чувствующаго и страдающаго человѣчества, философія же только навязана ему извнѣ. Наконецъ, выступаютъ люди послѣдняго слова науки и увѣрять насъ въ томъ, что всякая исторія религіи, нравственности и философіи есть вообще лишь облаченіе и личина, единственно же дѣйствительное и движущее, что всегда скрывается за этимъ облаченіемъ, это—исторія хозяйства; и христіанство было первоначально также лишь соціальнымъ движеніемъ, а Христосъ—соціальнымъ искупителемъ, освободителемъ обездоленныхъ низшихъ классовъ.

Есть что-то трогательное въ томъ, какъ всякій желаетъ найти въ этомъ Иисусѣ Христѣ себя самого со своею личною точкою зрѣнія и со своимъ особымъ кругомъ интересовъ или, по крайней мѣрѣ, доказать свою близость къ нему; здѣсь постоянно повторяется зрѣлище, какое уже представлялъ гностицизмъ II вѣка и которое состоитъ въ борьбѣ всѣхъ возможныхъ направленій изъ-за обладанія Иисусомъ Христомъ. Вѣдь въ самое недавнее время особенная близость къ Евангелію указывалась не только въ идеяхъ въ духѣ Толстого, но и въ ученіи Ницше, и, быть можетъ, даже въ такихъ сближеніяхъ больше вѣрнаго, нежели въ тѣхъ, которыя связываютъ съ проповѣдью Христа такое множество „теологическихъ“ и „философскихъ“ умозрѣній.

И, однако, въ концѣ концовъ, эти противорѣчивыя сужденія оставляютъ удручающее впечатлѣніе: разногласіе кажется безнадежной. Возможно ли упрекать того, кто, сдѣ-

лавъ нѣсколько попытокъ ориентироваться въ этомъ хаосѣ, совершенно откажется отъ рѣшенія вопроса? Быть можетъ, онъ еще скажетъ при этомъ, что въ конечномъ счетѣ для насъ не имѣетъ значенія и самый вопросъ. Что намъ за дѣло до исторіи событій и личности, отъ которыхъ насъ отдѣляютъ девятнадцать столѣтій? Наши идеалы и силы должны опираться на настоящее; было бы смѣшнымъ и безнадёжно бесполезнымъ занятіемъ старательно выводить ихъ изъ древнихъ манускриптовъ!—Кто говоритъ такъ, не правъ, но и не правъ. Все, что въ высшемъ смыслѣ есть въ насъ и у насъ, взято изъ исторіи и сводится къ исторіи, т.-е., разумѣется, только къ тому, что оставило въ ней результаты и что продолжаетъ дѣйствовать и по сей день. Достигнуть истиннаго знанія этой исторической дѣйствительности есть задача не одного историка, но и всякаго чело- вѣка, желающаго самостоятельно усвоить богатство и силы унаслѣдованнаго отъ исторіи достоянія. А что къ послѣднему принадлежитъ и Евангеліе, которое не можетъ быть замѣнено ничѣмъ другимъ, всегда признавалось глубочайшими умами. „Какъ бы ни былъ великъ будущій прогрессъ духовной культуры и ростъ чело-вѣческаго духа, послѣдній никогда не превзойдетъ высоты и нравственнаго благородства хри-стіанства, сіяющаго и свѣтящаго въ Евангеліяхъ“. Въ этихъ словахъ Гёте, послѣ многихъ попытокъ самоопредѣленія и неустанной работы надъ собою, подвелъ итогъ своему пони- манію нравственности и исторіи. Если бы въ насъ и не было собственнаго живого влеченія къ познанію христіан- ства, уже свидѣтельство такого чело-вѣка само по себѣ могло бы побудить насъ посвятить серьезное размышленіе тому, что представлялось ему столь цѣннымъ; и если въ противо- положность его признанію въ наше время громче и увѣрен- нѣе раздаются голоса, объявляющіе, что христіанская рели- гія пережила себя, это должно служить для насъ побужде- ніемъ поближе узнать эту религію, о смерти которой уже считаютъ возможнымъ выдать удостовѣреніе.

На самомъ дѣлѣ, однако, эта религія вмѣстѣ съ направ- ленными на ея познаніе стремленіями живетъ въ наши дни болѣе интенсивною жизнью, нежели прежде. Къ чести нашей

эпохи мы можемъ сказать, что она серьезно занята вопросомъ о сущности и цѣнности христіанства, и что въ наши дни мы видимъ больше исканія и пытливости, нежели тридцать лѣтъ назадъ. Даже въ задѣвающихъ религіозную святыню экспериментахъ, въ странныхъ и дикихъ отвѣтахъ, въ каррикатурныхъ построеніяхъ и хаотическомъ смѣшеніи мнѣній, и даже въ самой ненависти, можно все же уловить подлинную жизнь и серьезное стремленіе. Мы не должны только думать, будто это стремленіе является первымъ примѣромъ въ такомъ родѣ и будто со времени сверженія авторитета религіи мы первые отдались исканію истинно освобождающей и свободно вырастающей религіи,—исканію, при которомъ на поверхность неизбѣжно выплываетъ много сбивчиваго и наполовину вѣрнаго. Шестьдесятъ два года назадъ Карлейль писалъ: „въ эпохи, потерявшія равновѣсіе, когда религіозное начало, изгнанное изъ большинства церковей, либо невидимо зрѣетъ въ сердцахъ добрыхъ и рвется изъ нихъ навстрѣчу новому откровенію, либо, потерявъ пристанище, подобно душѣ безъ тѣла, ищетъ для себя земной организациі,—въ такія эпохи это начало временно и какъ бы въ видѣ опыта облачается во множество крайне странныхъ формъ суевѣрія и фанатизма. Высшій энтузіазмъ челоуѣческой природы на время лишается носителя, но, несмотря на это, остается неразрушимымъ и неутомимо-дѣятельнымъ и бессознательно работаетъ въ великой хаотической глубинѣ. Такъ возникаютъ одна за другой секты и церкви, чтобы снова уступить мѣсто новымъ метаморфозамъ“.

Кто знаетъ наше время, тотъ признаетъ, что эти слова звучатъ такъ, какъ будто они написаны нашимъ современникомъ. Въ этихъ лекціяхъ мы не намѣрены, однако, заниматься изслѣдованіемъ „религіознаго начала“ и его превращеній въ исторіи, но хотимъ отвѣтить на болѣе скромный, хотя не менѣе неотступный, вопросъ: что такое христіанство, чѣмъ оно было и чѣмъ оно стало? Мы надѣемся, что изъ отвѣта на этотъ вопросъ самъ по себѣ прольется свѣтъ и на болѣе широкій вопросъ о томъ, что такое религія и чѣмъ она должна для насъ быть? Въ концѣ концовъ, вѣдь въ области

религии мы имѣемъ дѣло только съ христіанской религіею; остальные религии уже не затрагиваютъ глубины нашего существа.

Что такое христіанство? Мы хотимъ попытаться дать на этотъ вопросъ чисто исторической отвѣтъ, т. е. отвѣтъ, добытый средствами исторической науки и основанный на приобрѣтенномъ изъ пережитой исторіи жизненномъ опытѣ. Тѣмъ самымъ исключается апологетическое и религиозно-философское изслѣдованіе вопроса. Позвольте мнѣ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Апологетика имѣетъ свое неотъемлемое мѣсто въ наукѣ о религии; доказательство права христіанской религии на существованіе и выясненіе ея значенія для нравственной и умственной жизни представляютъ достойную и великую задачу. Но эта задача не должна быть смѣшиваема съ чисто историческимъ вопросомъ о сущности этой религии; въ противномъ случаѣ мы отнимемъ всякій кредитъ у историческаго изслѣдованія. Помимо того, апологетика еще не дала намъ дѣйствительно соответствующихъ ея великой задачѣ образцовъ. Если не считать нѣкоторыхъ тенденцій къ лучшей постановкѣ этой дисциплины, ея состояніе весьма печально: она не выяснила себѣ, что должна защищать, и не обладаетъ надежными средствами для выполненія своей задачи. Къ тому же ея представители нерѣдко прибѣгаютъ къ недостойнымъ и навязчивымъ приемамъ. Полагая, что именно въ этомъ ихъ истинная задача, они выхваляютъ религію, словно послѣдняя—бракованный товаръ или универсальное средство противъ всѣхъ недостатковъ общества. Апологетика не пренебрегаетъ никакимъ хламомъ, лишь бы только какъ-нибудь разукрасить религію; хотя и силясь представить ее чѣмъ-то величественнымъ и необходимымъ, она лишаетъ ее всякаго серьезнаго содержанія и, въ лучшемъ случаѣ, доказываетъ лишь, что религія есть нѣчто, вполне терпимое по своей безвредности. Наконецъ, она не можетъ удержаться отъ того, чтобы мимоходомъ не пристегнуть къ себѣ какую-нибудь изъ церковныхъ программъ вчерашняго дня и не взяться за попутное доказываніе послѣдней; ибо податливая система ея идей не пострадаетъ отъ того, что

въ ней будетъ больше или меньше однимъ звеномъ. Невозможно выразить весь тотъ вредъ, какой принесенъ былъ такими пріемами, и то пагубное вліяніе, какое они еще продолжаютъ оказывать. Нѣтъ, христіанская религія есть нѣчто возвышенное, простое и направленное на единое: обрѣтеніе вѣчной жизни среди времени, жизни въ силъ Бога и передъ Его лицомъ. Она не есть этической или соціальный элексиръ, предназначенный сохранять все, что ей вздумаютъ навязать. Уже тотъ умаляетъ ее, кто прежде всего спрашиваетъ о томъ, что она сдѣлала для культуры и прогресса человѣчества, и хочетъ сообразно съ этимъ опредѣлить ея цѣнность. Гёте однажды сказалъ: „человѣчество постоянно движется впередъ, а человѣкъ постоянно остается тѣмъ же“. Религія имѣетъ въ виду именно человека, человека, поскольку онъ остается неизмѣннымъ посреди всѣхъ измѣненій и совершенствованія внѣшней дѣйствительности. Христіанская апологетика должна поэтому помнить, что ея предметъ—религія въ своей простотѣ и мощи. Безспорно, религія живетъ не только собственною жизнью, но находится во внутреннемъ общеніи со всѣми отраслями дѣятельности духа, а также и съ нравственнымъ и экономическимъ состояніями человѣчества. И все-же, она есть не только функція или показатель послѣднихъ, но и мощная сила, обезсиливающая или оживотворяющая человѣчество, тормозящая или движущая впередъ его развитіе. Познать ее и опредѣлить ея отличительныя черты, независимо отъ того, каково отношеніе къ ней изслѣдующаго индивидуума и считаетъ ли онъ ее цѣнной или нѣтъ,— вотъ задача, съ которой слѣдуетъ начинать.

Точно также исключается нами изъ этихъ лекцій и религиозно-философское изслѣдованіе въ строгомъ смыслѣ. Если бы намъ пришлось читать эти лекціи шестьдесятъ лѣтъ назадъ, мы старались бы найти умозрительнымъ путемъ общее понятіе религіи и пытались бы въ согласіи съ нимъ опредѣлить христіанскую религію. Но наше поколѣніе прониклось справедливымъ скептицизмомъ по отношенію къ такому пріему. *Latet dolus in generalibus!* Мы знаемъ теперь, что жизнь не вмѣщается въ рамки общихъ понятій и что не существуетъ такого понятія религіи, къ которому дѣйстви-